

В ту ночь они проговорили долго. Эрвин словно позабыл о зубной боли — слова лились из него безудержным, живым потоком. Шутка ли: сорок лет в науке. Рассказать ему точно было о чём. Он начал с самого первого университетского проекта, вспомнил неудачные геологические изыскания на их крошечной родной планете, перешёл к злополучным экспериментам по выделению и очистке живых организмов, которыми занимался сразу после вступления в Ассоциацию академий. Рассказал и о знаменитом докладе Планка о системной упорядоченности жизни — и о том, как застелил этой гениальной работой стол, когда уплетал спагетти. Вспомнил Анни: как она прогуляла его семинар по новым материалам и носителям ради того, чтобы успеть урвать пару уродливых дизайнерских туфель. Вспомнил их яростные споры о биологической безопасности флуоресцентных квантовых точек — и блинчики со сливками, которые они неизменно уплетали во время этих баталий.

Шлиффен сидел рядом, слушая молча и внимательно, лишь изредка переспрашивая значение непонятных терминов. Под сводами подвала мерцали проекции — образы, которые Эрвин когда-то «видел» в ходе своих исследований. Перед ними проплывали то скованные ледяным дыханием озера жидкого азота, то причудливые неоновые ландшафты под высоким напряжением. Казалось, за несколько часов они прожили целую космическую эпоху.

— На самом деле жизнь — это замкнутый, уединённый мир, отрезанный от вечных перемен, — негромко произнёс Эрвин, и в его усталом взгляде вновь блеснул живой огонёк.

— Вы очень устали. Лодитесь спать, а завтра продолжите рассказ, — Шлиффен взял у Ивэня лёгкий плед и бережно укутал плечи профессора.

— Господин Шлиффен?

— Да?

— Мой рассказ... он показался вам скучным?

— Вовсе нет, — Шлиффен не находил нужных слов. Эрвин сейчас напоминал слабое бледно-голубое пламя, бьющееся на голых камнях: казалось, дунет ветерок — и оно погаснет навсегда. — У вас что-то болит?

Профессор покачал головой и почти сразу погрузился в глубокий сон. Освещение в зале медленно угасло, проектор на потолке выключился, и подвал вновь погрузился в полумрак.

Глядя на разбросанные по полу детали, Шлиффен вдруг кое-что осознал. Эрвин вовсе не пытался намеренно что-то скрывать. Его молчание объяснялось проще: он понимал, что даже если расскажет, собеседник его вряд ли поймёт.

Жизнь действительно похожа на замкнутую обитель: она дарует нам сознание, но при этом изолирует от остального мира. Шлиффен ума не мог приложить, как переубедить Эрвина. И всё же глубоко в душе он чувствовал: в этом уединённом мире есть нечто бесконечно важное.

Что-то, от чего он ни за что не сможет отказаться.

Пока он предавался этим мыслям, тишину внезапно нарушил резкий сигнал. На автоматическом кресле-коляске сработала система мониторинга здоровья.

[Внимание. Плановое измерение температуры тела. Для продолжения выберите «Подтвердить»]

К счастью, Эрвин спал слишком крепко и не проснулся.

[Пожалуйста, сделайте выбор в течение шестидесяти секунд]

Шлиффен в панике откинул край пледа и нащупал панель управления:

— Как тут выбирать?

[Пожалуйста, сделайте выбор в течение шестидесяти секунд]

На панели не оказалось физических кнопок — впрочем, логично, учитывая, что в своём нынешнем состоянии Эрвин вряд ли сумел бы ими воспользоваться. Шлиффен понятия не имел, что делать. Лоб его покрылся испариной. В этот момент подошёл Ивэнь: он подключил собственный кабель-интерфейс к разъёму и ввёл команду.

[Запуск измерения. Температура тела: 39,0 °C. Начало терапевтических процедур]

Медицинский блок кресла перешёл в активный режим.

— Всё в порядке. У этого кресла есть простейшая аптечка: сейчас оно введёт господину Герману антибиотики и жаропонижающее. Ступайте отдыхать, — негромко произнёс Ивэнь.

— Но...

— Никаких «но». Скажу прямо: от вас сейчас разит феромонами, а для лихорадящего омеги это крайне вредно.

Только тут Шлиффен осознал, что за долгими разговорами совершенно упустил время: действие успокоительного давно закончилось.

— Идёмте. Вы ведь и сами понимаете, что он так просто не умрёт. Не стоит переживать, — Ивэнь направился обратно на кухню, собираясь продолжить прерванные дела. Заметив идущего следом лейтенанта, он обернулся: — Зачем вы за мной идёте?

— Мне не уснуть.

— Помощь с посудой от бессонницы не спасёт. Вы могли бы принять снотворное — там, наверху, оно точно есть.

Шлиффен проигнорировал совет и указал на стопку в руках робота:

— К этим тарелкам никто даже не прикасался. Зачем ты их намываешь по кругу?

— Так велит программа, заложенная господином Германом, — Ивэнь вновь принялся за мытьё.

— Я бы ни за что не стал бесконечно драить чистую посуду только ради строчки кода. У тебя ведь установлена система автономного принятия решений? Насколько помню, этой технологии уже лет триста, древность несусветная.

Робот отложил губку и повернул к нему голову:

— Сэр, когда мы были наверху, вы то пинали меня, то орали, и вообще избегали общения. А теперь затеваете беседу на столь пустяковую тему. Похоже, у вас раздвоение личности.

— Просто для меня ты и тот Ивэнь, что остался наверху, — совершенно разные существа. Тот тип — зануда и сухарь.

— Но мы — один и тот же субъект, сэр. Вашего интеллекта должно хватить, чтобы это уяснить.

— Но ты только что сказал «мы».

—...

— Вот скажи: Эрвин и плоды его трудов — это одно и то же? Если рассуждать так, то биочип в моём теле — тоже он, — Шлиффен попытался активировать чип, чтобы продемонстрировать его Ивэню, но Оуэн решительно отклонил эту нелепую попытку и отказался запускаться. Шлиффен усмехнулся: — Видишь? Характер такой же упрямый. Но я никогда не назову их одним человеком.

— Хотите сказать, что я нравлюсь вам больше? — видя, что гость уходит не собирается, Ивэнь налил ему чаю.

— Именно, — Шлиффен принял чашку. — О, чёрный чай. То что надо.

Ивэнь окинул его скептическим взглядом:

— Альфы несносны. Ваша эмоциональность порой выходит за рамки здравого смысла.

— Это нормальные человеческие чувства. Мы все так устроены.

— Да неужели? Не думаю, что обычный человек, обтачивая кому-то зубы мудрости, вдруг загорится желанием поцеловать пациента.

Шлиффен поперхнулся и брызнул чаем.

— И правда, странно, — сокрушённо вздохнул Ивэнь, уставившись в потолок. — В воздухе не было ни единой молекулы феромонов. Никакой биологической химии. С чего бы двум людям целоваться на ровном месте? Уму непостижимо.

— Любовь не сводится к одним лишь феромонам!

— Ого, так это любовь? — ехидно протянул робот. — Бросьте эти глупости, юноша. Для него вы всего лишь ребёнок. Просто сейчас у профессора, пожалуй, самый паршивый период в жизни. Его уязвимость вскружила вам голову. Будь он в прежней форме, на такого, как вы, он бы даже не взглянул.

— А Персидский леопард, значит, в его вкусе?

— Нет, — Ивэнь качнул головой. — Он предпочитает мясо. Овощная диета не по его части.

—...

— Блондин с голубыми глазами, мнящий себя чертовски привлекательным парнем... Серьёзного учёного таким не зацепить, — безжалостно добавил Ивэнь. — Он невероятно сильный человек, рождённый для великих свершений в новом веке. А вы для него — лишь случайный попутчик.

«Тебе ничего не изменить».

Анни резко распахнула глаза, тяжело дыша. Сон был кошмарным: ей привиделось, будто она окончательно всё испортила, а Эрвин с мягкой улыбкой произнёс именно эти слова.

Сердце бешено колотилось. С трудом оторвав голову от подушки, Анни села на постели. Она совершенно не помнила, как добралась из бара до дома. Попытавшись нащупать на прикроватной тумбочке очки, она вместо этого вытащила из-под одеяла... туфлю на шпильке.

Ну конечно. Каролина вчера без устали подливала ей алкоголь, и она опять набралась как последняя дура. Голова раскалывалась. Швырнув туфлю на пол, Анни продолжила поиски очков.

— Ой! — ладонь наткнулась на что-то живое и горячее. Анни испуганно отшатнулась и рывком сдёрнула одеяло. — Галин?!

Капитан спал беспробудным сном. Он лишь невнятно замычал, уткнувшись лицом в подушку.

— Вы оба вчера изрядно перебрали, — раздался из динамиков ровный голос домашнего ИскИна. — Но спешу успокоить: обошлось без инцидентов. Никого не стошнило, и глупостей вы тоже не натворили.

— Ценю твоё чувство юмора, — проворчала Анни, сползая с кровати. На ней всё ещё было вчерашнее помятое вечернее платье. — Посмотри, есть в холодильнике что-нибудь съедобное?

— В дальнем углу морозилки завалилась недоеденная банка шоколадного мороженого. В остальном там шаром покати — только выпивка и зелень.

Отыскав ложку, Анни принялась за мороженое прямо из банки.

— И ещё кое-что. Золотистый ретривер... точнее, председатель Планк звонил — по всей видимости, хотел вызвать вас на работу в неурочное время. Я сообщил ему, что вы мертвецки пьяны и спите в постели с каким-то посторонним мужчиной, так что тревожить вас я не намерен.

Анни прыснула от смеха:

— Отличная работа!

— Всегда рад услужить, — отозвался ИскИн. — Но если позволите дать совет: парень в вашей постели весьма недурственен. Даже будучи пьяным в стельку, он ухитрился аккуратно стереть с вашего лица макияж. Стоит к нему присмотреться.

— Избавь меня от этого. Мы не в каменном веке, чтобы выскакивать замуж. Сейчас о браке думают разве что альфы с омегами во время гона. Люди слишком непредсказуемы и сложны. Если уж мне и суждено связать с кем-то жизнь, я лучше обручусь со своим незаменимым домашним компьютером.

— Завтра же отформатирую этот хлам, — раздался сонный голос с кровати. Галин приоткрыл один глаз. — Терпеть не могу соперников.

— Кожанные мешки вечно лезут со своими угрозами, а мне-то какое дело? — картинно обиделся ИскИн. — На часах три ночи. Перехожу в спящий режим, развлекайтесь сами.

Галин похлопал ладонью по матрасу:

— Слышала? Всего три часа. Иди сюда, спи дальше.

— Мне нужно кое-что записать, — Анни, не выпуская из рук мороженое, направилась в сторону кабинета.

Лениво зевнув, Галин окинул взглядом комнату. Его внимание привлёк небольшой комод у окна. На нём стояла скромная рамка со старой бумажной фотографией.

Заинтересовавшись, он поднялся, потянулся к комоду и взял рамку в руки.

С группового снимка улыбались трое: Анни, Планк и Эрвин. И хотя современные технологии давно позволяли человеку сохранять молодость десятилетиями, по кадру безошибочно угадывалось — снято очень давно.

Все трое выглядели по-настоящему счастливыми, между ними не чувствовалось и тени того напряжения, что разделяло их теперь. Планк с привычным изяществом придерживал левой рукой лацкан своего безупречного пиджака. Справа от него стоял темноволосый безумный гений, по-дружески приобнимая Анни за плечи и запустив пятерню в её каштановые кудри.

На заднем плане угадывалась самая заурядная лаборатория. На краю заваленного бумагами стола бесформенной кучей валялись их белые халаты.

Снимок казался случайным, мимолётным щелчком затвора. В тот день никто из них наверняка и помыслить не мог, во что со временем превратится их дружба.

Вернув рамку на место, Галин снова зарылся в одеяло. Постель была настолько мягкой и уютной по сравнению со спартанским ложем в гостевой комнате, что он проспал без задних ног до девяти утра.

Разбудил его настойчивый сигнал входящего вызова.

— Капитан Галин? Это секретарь господина Планка. Защитные коды Фамагусты успешно взломаны. Если вы уже проснулись, я немедленно отправлю за вами машину. Председатель просит вас как можно скорее прибыть в штаб-квартиру Ассоциации академий.

— Что? — Галин на секунду подумал, что всё ещё спит.

— Вы не ослышались, сэр. Система безопасности дешифрована. Транспорт будет у вашего дома с минуты на минуту.

<http://bllate.org/book/18311/1756288>